

В. А. Докудовский

**Воспоминания генерал-
майора Василия Абрамовича
Докудовского**

**Первой половины настоящего
столетия (до 1863 г.)**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. А. Докудовский**
Воспоминания генерал-майора Василия Абрамовича Докудовского: Первой
половины настоящего столетия (до 1863 г.) / В. А. Докудовский – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 279 с.

ISBN 978-5-458-06935-9

ISBN 978-5-458-06935-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс
www.samizday.ru/reprint

лица полкового командира полковника Юніуса, дѣва непригожая и перестѣлая, влюбилась въ красиваго офицера и какъ онъ не поддавался и не раздѣлялъ чувствъ этой барышни, то прибѣгли къ нехитрому средству, именно, — къ опыненію: и въ этомъ, возбужденномъ винными парами, состояніи, заставили брата объясниться и просить руки; разумѣется ему не отказали, и такимъ образомъ онъ женился съ приданымъ въ 60 душъ крестьянъ, оставилъ службу капитаномъ, былъ исправникомъ Рыблянскаго уѣзда Ярославской губерніи не безъ пользы для своихъ интересовъ, какъ это видно да рядомъ дѣлалось въ цѣлой Россіи, и умеръ бездѣтнымъ 1840 года.

Николай, — личность даровитая, но самолюбивая, раздражительная и горячая. — Онъ былъ однимъ изъ первыхъ учениковъ въ Рязанской Гимназіи и вышущенъ изъ 1 го кадетскаго корпуса въ пѣшую артиллерію подпоручикомъ. — Не долго же однако онъ оставался въ артиллеріи; по непріятностямъ съ своимъ батарейнымъ командиромъ едва не попалъ подъ судъ и долженъ былъ выйти въ отставку; потомъ по моему совѣту опредѣлился капитаномъ въ 13-й егерскій полкъ, въ которомъ и я числился по спискамъ. Онъ любилъ боевую жизнь и нетерпѣлъ мирныхъ монотонныхъ фронтовыхъ занятій. — Во время войны съ турками 1828 года, при осадѣ Варны, онъ героемъ показалъ себя при слѣдующемъ подвигѣ. Въ 1-мъ Варнскомъ бастионѣ сдѣлана была довольно уже порядочная брешь; наши хотѣли узнать, что дѣлается за этимъ бастиономъ, и нѣтъ ли тамъ какихъ либо укрѣпленій или даже мины; для сего назначена была экспедиція 110 человекъ охотниковъ изъ 13 и 14 егерскихъ полковъ и 40 матросовъ подъ командою моего брата и сверхъ того въ резервъ роты 2-й гренадерскаго Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полка и 1-й карабинерная 13-го егерскаго. — 25 Сентября на разсвѣтѣ, охотники и матросы въ величайшей тишинѣ вползли къ самой верхушкѣ вала и по данному братомъ сигналу, — ура! бросились черезъ валъ. Началась рѣзня; турки не устояли, обратили тылъ; наши гнали ихъ въ городъ, выкалывали изъ домовъ, зажигали оныя и работали на славу. Наконецъ турки образумились и собрались въ большія толпы; храбрецы отступили къ своему резерву и общими силами думали удержать за собою бастионъ, но стремленіе турокъ такъ было яростно и несоразмѣрность въ силахъ велика, что наши, послѣ двухъ часовой защиты бастиона, должны были отступить въ свои траншеи. Турки, напуганные храбростію этой горсти людей, въ тотъ же день выслали переговорщика и на другой день крѣпость сдалась. За этотъ-то подвигъ братъ получилъ Георгіевскій крестъ, котораго навѣсилъ на него самъ лично командовавшій всѣми войсками при Варнѣ Графъ Воронцовъ, сказавъ дивизионному начальнику: *„какъ къ нему присталъ крестъ“*, — а дивизионный начальникъ добавилъ: *„что и гвардейскія петлицы*

также ему будутъ къ лицу“,—давая симъ разумѣть, что братъ назначенъ къ переводу въ Лейбъ-Гвардіи егерскій полкъ.—При описанномъ нападеніи братъ былъ раненъ, но особенно получилъ сильный ударъ въ бокъ камнемъ, отъ коего страдалъ до самой смерти. Черезъ свой подвигъ братъ сдѣлался извѣстнымъ Государю Императору и Великому Князю Михаилу Павловичу. Въ 1829 году онъ, въ числѣ прочихъ офицеровъ былъ переведенъ въ Гвардейскій егерскій полкъ, но, по антипатіи къ мирной шагистикѣ, въ 1832 году перепросился состоять по арміи въ чинѣ полковника и удалился къ матери въ деревню, ожидая общаго ему комендантскаго мѣста, получивъ предъ удаленіемъ своимъ отъ Императора аренду на 12 лѣтъ по 900 руб. сереб. въ годъ и дозволеніе имѣть при себѣ деньщиковъ.— Не задолго до выѣзда своего изъ Петербурга, въ концѣ Августа или въ началѣ Сентября, какимъ то романтическимъ и тайнымъ образомъ женился тамъ на одной бѣдной дѣвушкѣ, дочери умершаго штабъ-лѣкаря, а чрезъ пять мѣсяцевъ 16 Февраля 1833 года былъ уже въ гробѣ и погребенъ въ Ризанскомъ Спасскомъ монастырѣ.

Василій, писець сихъ воспоминаній.

Александръ.—Послѣдняя его служба, была въ Новгородскомъ военномъ поселеніи, гдѣ при извѣстномъ бунтѣ 1831 года чудеснымъ образомъ спасся отъ рукъ убійць. Послѣ того, командуя ротой въ чинѣ штабъ-капитана, за то, что слишкомъ горячо вступился предъ баталіоннымъ командиромъ за своего офицера и крѣпко съ нимъ посчитался, попалъ подъ военный судъ, но конфирмацію Великаго Князя Михаила Павловича былъ оправданъ, бросилъ службу, два раза надѣвалъ на себя брачное ярмо и скоропостижно скончался, оставивъ послѣ себя жену изъ фамиліи Ляпуновыхъ и четырехъ отъ обоехъ браковъ дѣтей.

Капитанъ,—19-ти лѣтній юноша и любимецъ матери.—Служилъ вмѣстѣ съ братомъ Николаемъ въ 13-мъ егерскомъ полку подпоручикомъ въ званіи полковаго адъютанта; 1828 года, при взятіи Анапы, былъ раненъ въ ляжку на вылетъ пулею, а 8-го Августа, при осадѣ Варны ядро поразило его въ животъ и юноша палъ бездыханенъ, не страдая ни одной секунды, и похороненъ на берегу моря въ тѣни миндальныхъ и черешневыхъ деревъ, безъ креста на могилѣ, изъ опасенія, чтобы турки въ послѣдствіи не поругались и надъ символомъ нашего спасенія и надъ прахомъ убіеннаго.

Мать моя, набожная старушка, узнавъ о смерти своего любимца, сотворила знаменіе креста и съ упованіемъ на милосердіе Господа сказала: „*буди Его воля святая*“.

Послѣ смерти отца моего отсутствовавшіе его братья оставляли по-

койно мать мою управлять нераздѣльнымъ имѣніемъ и пользоваться бѣдными доходами; но пріѣхавъ вышедшій въ отставку милѣйшій дядюшка Сергѣй съ милѣйшей тетушкой литвинкою и вступилъ въ управление; началъ съ того, что мать мою безъ церемоніи выпроводилъ изъ четырехкомнатнаго домишка на чердакъ, гдѣ она жила все лѣто, пока не слѣпилъ для нея малую, темную и холодную на курьихъ ножкахъ избенку, въ которую она и переехала съ меньшимъ моимъ братомъ Капитономъ, коему тогда было около 3-хъ лѣтъ. Этотъ достопочтѣннейшій дядюшка, особенно дражайшая его половина, заставляли мать мою терпѣть во всемъ нужду; она должна была выпрашивать или покупать для себя хлѣбъ; крестьянки свои и чужія приносили яйца, творогъ, молоко, крупу и т. п., не требуя никакой платы. — Единому только Богу извѣстно, что она перенесла и какому униженію подвергалась отъ этихъ нѣжныхъ родственниковъ въ продолженіи около трехлѣтняго ихъ пребыванія въ селѣ Васильевѣ. Она плакала, молилась и Богъ услышалъ голосъ безпомощной, угнетенной вдовы и явилъ ей милость. Дядья раздѣлились и на нашу долю досталось до 10 душъ крестьянъ и упомянутый домишко и мать вступила въ полное управленіе, не терпя уже голода и холода. Но болѣзнь угнетала ее; она страдала каменною болѣзнію и, живя въ деревнѣ, не имѣла средствъ прибѣгнуть къ медицинскимъ пособіямъ; наконецъ 14 Декабря 1833 предала душу свою Богу и похоронена въ селѣ Стабникахъ, принадлежащемъ Князю Волконскому, имѣя отъ роду 60 лѣтъ.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ мою добрую мать въ Январѣ 1832 г. и пробылъ у нея около полуторы недѣли вмѣстѣ съ милымъ братомъ Николаемъ. При возвращеніи моемъ въ 1833 году съ Кавказскихъ минеральныхъ водъ въ Варшаву, я могъ и долженъ былъ захватить къ ней, чтобы утѣшить ее въ потерѣ сына ея Николая, умершаго въ Февралѣ мѣсяцѣ и въ послѣдній разъ при наступившей потомъ чрезъ два мѣсяца ея кончинѣ проститься съ нею и получить материнское благословеніе; но сего я не исполнилъ по черствости моего сердца и недостаточности сыновней любви, и потому каждый разъ, когда воспоминаю я, чувствую болѣзненные упреки моей совѣсти и живѣйшее раскаяніе и молю Бога и мать мою отпустить тяжкое мое прегрѣшеніе.

Я сперва обучался въ Зарайскомъ уѣздномъ двукласномъ училищѣ, въ которомъ оба учителя были врагами, непрерывно между собою грызлись и даже дрались, не стѣняясь присутствіемъ учениковъ; этому примѣру слѣдовали и сварливыя ихъ жены. Въ Зарайскѣ я чуть было разъ не утонулъ, кунался въ рѣкѣ Осетрѣ. Потомъ, когда мать моя съ больнымъ моимъ отцемъ переселилась въ деревню, меня помѣстили въ Рязанское Уѣздное училище, гдѣ я былъ довольно из-

ряднымъ ученикомъ и при экзаменахъ получалъ похвальные книги и листы. Я помѣщался въ самой бѣдной и холодной каморкѣ, но содержаніе меня было не посылать матери моей и я по милости добрыхъ людей принять въ заведеніе, содержимое дворянствомъ для бѣдныхъ ихъ собратій.

Юные недоросли помѣщались въ просторныхъ 4-хъ комнатахъ нижняго этажа дворянскаго каменнаго дома, а въ верхнемъ зимою бывали танцевальныя собранія и рекрутскіе наборы. Домъ находился на выѣздѣ, близъ заставы, обставленъ былъ двумя острогами; въ 300 шагахъ театръ, и въ верстѣ — гимназія. Жизнь наша въ этомъ дворянскомъ заведеніи не представляла ничего замѣчательнаго; всѣ мы одѣты были одинаково: зеленые мундиры въ родѣ куртокъ съ сѣрыми крестьянскаго сукна панталонами, сѣрые такого же сукна шинели и фуражки въ видѣ колпаковъ съ кисточкою на верху; тюфяки и подушки, набитыя соломой. Обѣдъ и ужинъ нашъ состоялъ изъ щей съ мясомъ и каши, завтракъ изъ куска всегда мягкаго, ржаного хлѣба, квасу, сколько душѣ угодно; по воскресеньямъ давали по куску пирога, словомъ, — пища была не прихотливая, но свѣжая и насыщавшая. Заведеніе имѣло директора, котораго однако же мы никогда не видали; надзиралъ за нами и кормилъ насъ престарѣлый отставной сержантъ съ помощію двухъ служителей; избранные и бывшіе у него въ милости, за привозимые изъ деревень гостинцы: музу, масло, яицы и т. п. — допускались въ театръ за кулисы, смотрѣли за исправностію освѣщенія, зажигали предъ пріѣздомъ публики и тушили по окончаніи спектакля сальныя освѣтительныя свѣчи, прятали воровски въ карманы огарки и отправлялись домой веселыми и довольными. За шалости иногда съѣли насъ розгами, но чаще суровый надзиратель дарилъ оплеухами и любилъ въ особенности драть за уши. За чистоплотностію не гонялись; бани мы не знали, — лѣтомъ водили купаться въ р. Трубежъ. — Долженъ сказать, что за время четырехлѣтняго моего пребыванія въ этой дворянской бурѣ у насъ не было ни одного умершаго, хотя были больные, особенно чешоткою, и вовсе не было ни лѣкаря, ни лекарьствъ. — На Рождество, Свѣтлое Воскресеніе и на мѣстный праздникъ Св. Троицы я ѣздилъ къ матери въ деревню, или она присылала мнѣ съѣдобное и я былъ счастливъ, не помышляя о будущемъ; но когда бывало добрая моя мать дарила меня двугривеннымъ, — о! тогда не было предѣла моей радости. Самое отрадное время было тогда, когда насъ отпускали на лѣтнюю вакацію и я въ деревнѣ ходилъ и бѣгалъ за ягодами, грибами, орѣхами, удилъ рыбу, бывалъ на сѣнокосахъ, на жатвѣ хлѣба и, всегда и вездѣ босикомъ, для сбереженія дворянскихъ сапоговъ. — Въ праздники Пасхи и Св. Троицы видѣлъ, какъ преподобный отецъ Іаковъ и дьячекъ Іосифъ, и съ супругницами, послѣ Богослуженія, поставивъ кресты и иконы въ передній

Уголь комнаты моей матери, ею угощались, упивались, тянули пѣсни и пуссались въ плясъ.

Отъ лѣтъ моей ученической юности осталось въ моей памяти слѣдующее. 1) Находясь еще въ 1-мъ классѣ Рязанскаго уѣзднаго училища, одинъ разъ учитель задалъ мнѣ урокъ грамматически разобрать и объяснить части рѣчи какого то періода. На другой день я представилъ мою работу, которую учитель нашелъ глупою и бессмысленною и началъ меня бранить. Желая вывернуться, я свалилъ на невиннаго моего брата Николая, который въ то время былъ уже въ послѣднемъ классѣ гимназіи и слѣдовательно не могъ надѣлать столь грубыхъ ошибокъ. Дали мнѣ очную ставку съ братомъ и обнаружилось, что я его оклеветалъ и за то мой педагогъ задалъ мнѣ достаточно ввѣстительную порку, которая была первая и послѣдняя въ моей жизни. 2) будучи еще въ гимназіи, я встрѣтилъ на улицѣ учителя латинскаго языка, иностранца Линка, и сталъ его дразнить тѣми физическими недостатками, которые онъ имѣлъ въ произношеніи, давая намъ уроки; за это онъ больно меня поколотилъ. 3) къ хозяйкамъ, у коихъ я жилъ, хаживала не то мѣщанка, не то купчиха въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и красавица; она имѣла связь съ однимъ учителемъ семинаріи и, замѣтивъ мою къ ней склонность, воспользовалась ею и выбрала меня своимъ Меркуріемъ для передачи любовныхъ ихъ другъ къ другу посланій. 4) разъ, пріѣхавши въ деревню къ матери моей на Рождество, вечеромъ я вышелъ къ ребятишкамъ на улицу и сталъ дразнить собакъ въ одномъ крестьянскомъ дворѣ; хозяинъ, рыжій мужичина, выскочивъ съ хворостиною, порядочно отстегалъ меня и я возвратился домой со стыдомъ и слезами. 5) разъ, купаясь въ р. Трубежѣ, я крѣпко зашибъ о камень колѣно и меня отнесли домой на рукахъ; дали о томъ знать моей по матери бабушкѣ; она немедленно явилась, употребивъ дешовое и вульгарное лѣкарство, именно *урину*, которою приказала тереть колѣно, и на третій день боль и опухоль совершенно исчезли и я сталъ на ноги.

Эта богомольная и набожная старушка, моя бабушка, не разставалась съ четками, творила молитвы, сидя, ходя и лежа, и не хотѣла жить у своей дочери въ деревнѣ потому, что тамъ не было церкви, а проживала въ Рязани въ семействѣ знакомаго секретаря Семенова.

Мало по малу и пополамъ съ грѣхомъ, промаршировалъ я чрезъ всѣ классы уѣзднаго училища и гимназіи, и готовъ былъ шагнуть въ послѣдній 4-й классъ, какъ забить былъ отбой и я, имѣя уже поднятую ногу навѣсу, остановился, что бы изъ неуча юноши преобразиться по волѣ судьбы въ неуча солдата

Послѣ изгнанія французовъ изъ Россіи правительство въ 1813 г. потребовало въ Дворянскій полкъ недорослей, 16 лѣтнихъ дворянъ;

въ то время мнѣ было только 15 лѣтъ, но мать моя успѣла сдѣлать такъ, что мнѣ надбавили лишній годъ и показали 16-ти лѣтнимъ, и я вмѣстѣ съ 15-ю товарищами изъ дворянскаго заведенія отправленъ въ тотъ полкъ въ С.-Петербургъ.— Мать моя оплакала меня, благословила маленькимъ образкомъ патрона моего отца, Св. Авраамія и всунула въ карманъ весь свой валичный капиталъ 5 р. ассигн. Надобно сознаться, что въ то время ученическія мои знанія, почерпнутыя въ гимназіи, весьма были ограничены, хотя я вышелъ уже изъ 3-го класса и мнѣ сы должно было болѣе знать; въ оправданіе свое замѣчу, что въ гимназіи обученіе происходило крайне небрежно и ни кто не обращалъ вниманія ни на успѣхи и поведеніе учениковъ, ни на педагогическія способности учителей. Директоромъ гимназіи былъ прокуроръ, весьма рѣдко классы посѣщавшій; у насъ не было даже учителя Закона Божія.

Мы ѣхали на вольнонаемныхъ; сопровождавшій насъ дворянинъ Мисюревъ честно кормилъ свою нестроевую команду и иногда лакомилъ ее даже сбитнемъ.

Москву мы видѣли разрушенною и изнепеленною пожаромъ 1812 г. Наконецъ, по сквернѣйшей въ мірѣ дорогѣ мы доволочились до Петербурга и явились въ полковую канцелярію, гдѣ послѣ 3-хъ дней ожиданія были распределены по ротамъ и поступили тамъ въ разрядъ *новичковъ*.

Въ то время дворянскій полкъ состоялъ изъ двухъ баталіоновъ и одного дворянскаго кавалерійскаго эскадрона и былъ, такъ сказать, приткнутъ ко 2-му кадетскому корпусу подъ дирекцію стараго Клейнмихеля, котораго мы знали только по наслышкѣ.— Полкъ не имѣлъ собственнаго полкового командира, какъ мы теперь разумѣемъ, но были баталліонные, въ родѣ *почетныхъ*, Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка полковники: въ 1-мъ баталіонѣ Голтгоеръ и во 2-мъ Энгельгардтъ, *и настоящіе* полковники же: въ 1-мъ Брайко и во 2-мъ Вилькенъ, а кавалерійскаго эскадрона полковникъ Лиденеръ.

Каждый баталіонъ дѣлился на роты, которыя имѣли, какъ и нынѣ, ротныхъ начальниковъ, фельдфебелей, унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ дворянъ. По малому росту, я попалъ въ 5-ю роту къ подпоручику Богдановичу.— Намъ не преподавали никакихъ наукъ; единственнымъ нашимъ занятіемъ были шагистика и ружейная экзерциція; это называлось у насъ службою; въ свободное же отъ этой немудреной, но располагающей къ тупоумію, службы, воспитанники или чистили ружья, или чинили свои мундарты и штаны (шинелей не было), а чаще всего сновались изъ одной каморы въ другую; по барабану утромъ мы просыпались, умывались, одѣвались, оправляли кровати, выстраивались для молитвы и фельдфебельскаго осмотра нашей одежды и чистоты рукъ

(намъ мыла не давалось), завтракали кускомъ ржаного хлѣба и принимались выдѣлывать служебную муштру; по барабану шли въ ногу обѣдать и ужинать; по барабану по насыщеніи вставали отъ стола и по командѣ дежурнаго офицера оставляли обѣденную залу и отправлялись въ свои камеры и, наконецъ, по тому же барабану творили молитву на сонъ грядущій, разоблачались, складывая по формѣ одежду на табуреты, чистили уродливыя краги къ штанамъ и сапоги, выставляли послѣдніе предъ кроватью въ линейку и ложились спать. Огромная обѣденная зала принадлежала къ зданію собственно 2-го кадетскаго корпуса и служила, какъ для кадетъ, такъ и для воспитанниковъ дворянскаго полка и эскадрона; первые прежде насъ ходили къ столу; съ ними мы не имѣли рѣшительно никакихъ сношеній и ни гдѣ не встрѣчались; кадетскій корпусъ и дворянскій полкъ—это были совершенно различныя учрежденія; въ стѣнахъ перваго преподавалась наука, въ стѣнахъ послѣдняго ни какой науки, кромѣ ружейныхъ приемовъ на 12 темповъ, и забывалось то, что знали воспитанники до вступленія въ полкъ; одно было общее,—это кормленіе, пища. Толстѣйшій, боченкообразный корпусный экономъ Перфилка, закупатель съѣстныхъ снадобій, кормилъ очень удовлетворительно и по утвержденной программѣ; безъ сомнѣнія, болѣе половины бѣдныхъ воспитанниковъ полка (въ томъ числѣ и я) будучи дома, не имѣли подобнаго стола; два раза въ недѣлю насъ лакомили даже пирожнымъ; мы ѣли серебряными ложками, пили квасъ изъ серебряныхъ стопъ, и прислуживали намъ за столомъ инвалиды; инвалиды же служили и при камерахъ; они ежедневно, когда дворяне еще спали, натирали по посыпанному песку кирпичемъ полы и въ извѣстное время перемѣняли солону въ тюфякахъ и подушкахъ. За то мы не имѣли ни церкви, ни священника и не исполняли ни какихъ религіозно-христіанскихъ обязанностей, оставаясь совершенно во тьмѣ по душевнеспасительной части; у насъ такъ же не было ни бани, ни лѣтнихъ купаній и потому тѣлеса наши пребывали въ нечистотѣ и грязноватости.

Спустя годъ меня перевели въ гренадерскую роту, откуда дворяне выпускались въ армію офицерами; въ этой ротѣ ко мнѣ былъ расположенъ фельдфебель Харкевичъ, который помѣстилъ меня въ свою камеру и поручилъ доходную должность—пріемщика и раздатчика дворянамъ на завтракъ ржаного хлѣба. Отъ раздачи у меня постоянно оставалось до 10-ти порцій и я дарилъ ихъ моимъ товарищамъ, а чаще промѣнивалъ въ лавочкѣ на тюрю или окрошку, составленную изъ кваса и капусты; другіе лакомились сбитнемъ съ булками, но у меня не было денегъ для такой роскоши.

Наконецъ, назначенъ былъ выпускъ въ офицеры и я обрадовался, рассчитывая навѣрное, что попаду въ разрядъ счастливыхъ смертныхъ, но, увы! обманулся: по малорослости я былъ забракованъ и оставленъ

до слѣдующаго выпуска, а въ утѣшеніе назначили меня прямо фельдфебелемъ въ прежнюю мою 5-ю роту. Погоревавши и поплакавши, я перебрался опять въ знакомую мнѣ роту и вступилъ въ исправленіе новой должности, украшенный золотыми галунами на мундирѣ. Въ это время ротнымъ начальникомъ былъ уже другой, именно штабсъ-капитанъ Вилькъ, прозванный „возломъ“.

Фельдфебель въ дворянскомъ полку тогда былъ лицо самостоятельное; въ ротѣ его боялись болѣе чѣмъ ротнаго командира, потому что онъ жилъ съ дворянами; имѣлъ надъ ними надзоръ и полную власть, а ротный начальникъ, находясь на квартирѣ, рѣдко заглядывалъ въ роту и заботился только о томъ, чтобы имѣть по болѣе такъ называемыхъ пенсіонеровъ, т. е. дворянъ изъ новичковъ, которые бы платили ему деньги за покровительство и за переводъ въ гренадерскую роту; эти пенсіонеры жили вмѣстѣ съ дворянами и содержались какъ и всѣ прочіе. Подобныхъ пенсіонеровъ имѣли и сами баталіонные командиры, получая за нихъ уже большую сумму. Такъ и въ Дворянскомъ полку, богатые имѣли преимущество предъ бѣдными и выпускались въ офицеры скорѣе, чѣмъ другіе.

Я былъ строгъ и суровъ, каждое утро и вечеръ я обходилъ камеры, осматривалъ оружіе и самихъ дворянъ, которыхъ состояло въ ротѣ до 200 чел. и за неисправности наказывалъ: ставилъ на колѣни, подъ ружья, заставлялъ тереть полъ кирпичемъ, оставлялъ безъ обѣда или безъ ужина, а иногда доставалось даже и ушамъ; камерные унтеръ-офицеры каждое утро и вечеръ мнѣ рапортовали; меня боялись даже и тѣ, кои ростомъ были выше, а лѣтами старше меня; за то рота моя была исправна и не дѣлала значительныхъ шалостей.— Я твердо зналъ строевую службу и безошибочно командовалъ на ученіяхъ; ротный и баталіонный командиры ко мнѣ были расположены, а первый при выпускѣ подарилъ мнѣ на память записную книжку или портфель, разумѣется безъ *приложенія*. Фельдфебели каждый вечеръ ходили къ баталіонному командиру полковнику Вилькену съ словеснымъ рапортомъ о благосостояніи роты. Они имѣли такое же кушанье, какъ и прочіе дворяне, но по благосклонности эконома Перфильки подавалась имъ двойная порція.— Мнѣ, какъ фельдфебелю, жившіе со мною въ камерѣ дворяне чистили мое ружье, платье, сапоги и краги охотно и непринужденно.

Лѣтомъ въ половинѣ Іюня 1814 года оба баталіона выступили въ лагерь въ Стрѣльну; Цесаревичъ Константинъ едва не каждый день пріѣзжалъ къ намъ съ неизмѣннымъ своимъ спутникомъ генераломъ Олсуфьевымъ, производилъ ученье и часто показывалъ насъ иностранцамъ; во фронтѣ я командовалъ баталіономъ и, Великій Князь, когда бывало проходили мимо него церемоніальнымъ маршемъ, почти всегда,

обращаясь къ окружающимъ его, кричалъ хриплымъ своимъ голосомъ указывая на меня: „*черный дьяволенокъ, — а? каково?*“. За всѣмъ тѣмъ, однако же разъ Его Высочество, бывъ на ученьи въ хѹдомъ расположеніи духа, когда баталіонъ шель линією, а я маршировалъ впереди баталіона въ 8 шагахъ отъ него, ему причудилась, что я не высоко поднималъ ногу и потому, подбѣжавъ ко мнѣ, съ великимъ гнѣвомъ закричалъ: „*черный чертъ, выше ногу, выше, выше, выше!*“, и съ каждымъ словомъ „выше“ наносилъ ударъ по моимъ бѣднымъ икрамъ привѣшенною къ бедру своею шагаю, и такимъ образомъ, вполнѣ неповинно, я удостоился получить изъ Августѣйшихъ Его рукъ до 8 ударовъ, безъ права именоваться рыцаремъ. — Въ другой разъ, Цесаревичъ, тоже будучи не въ своей тарелкѣ, за ничтожныя на ученьи ошибки, всѣхъ взводныхъ и баталіонныхъ командировъ (въ томъ числѣ и меня) оставилъ на плацу жариться на солнцѣ цѣлый день съ непокрытыми головами, разставивъ насъ по всему плацу на разныхъ пунктахъ и сверхъ того споролъ галуны и смѣстилъ въ рядовые, по спутя нѣсколько дней, умилостивился и возвратилъ чины, а съ ними и галуны. Во время же нахождения полка въ Стрѣльнѣ случилось такой казусъ: отъ стоявшихъ жаровъ, или отъ чего — другого начала глѣтъ иглистая почва, на которой вблизи Стрѣльны росъ сосновый лѣсъ. Нежданно негаданно прибылъ къ полку Великій Князь, приказалъ бить тревогу и, когда полкъ выстроился, повелъ его на пожараще, и мы одною силою нашихъ ногъ потушили огонь.

Наконецъ, въ Маѣ 1815 года произведенъ выпускъ въ офицеры и я былъ назначенъ въ резервный баталіонъ 27-го егерскаго полка; тогда дѣйствовавшая армія вся была въ движеніи къ Парижу, по случаю бѣгства Наполеона съ острова Эльбы. Насъ обмундировали на казенный счетъ, т. е. сшили каждому изъ темно-зеленаго сукна мундиры съ панталонами, сѣраго сукна шинели, ботфорты, дали безобразный киверъ съ нитяными кутасами, нитяный шарфъ, шпаженку съ серебрянымъ темлякомъ и мишурные эполеты; всѣ эти вещи были менѣ чѣмъ посредственны; кто имѣлъ средства, тотъ обмундировался лучше, а у меня не было мѣднаго гроша и я остался при казенныхъ, радуясь своему офицерству не менѣ другихъ. По обмундированіи я долженъ былъ явиться въ канцелярію за прогонами, какъ вдругъ получено было предписаніе отъ Цесаревича Константина изъ Варшавы, что бы на мѣсто переведенныхъ имъ изъ дѣйствующихъ баталіоновъ 13-го егерскаго полка 5-ти офицеровъ въ Волинскій гвардейскій полкъ, назначено было такое же число лучшихъ изъ выпускныхъ офицеровъ; я, какъ бывший фельдфебелемъ, попалъ въ число 5-ти и вмѣсто 27-го меня уже переназначили въ 13 егерскій полкъ. Насъ было всего 10 человекъ и всѣ мы отправились на почтовыхъ въ Варшаву; изъ этихъ нововыпущенныхъ офицеровъ, — 5-ть, кои при

сагомъ выпускѣ назначены были въ резервный баталіонъ 13-го егерскаго полка, должны были остаться въ резервѣ, а остальные 5-ть вмѣсто выбранныхъ въ гвардію, должны были ѣхать въ дѣйствующіе баталіоны того же полка во Францію. — Прибывъ въ Варшаву, насъ тотъ часъ употребили на службу; меня нарядили въ караулъ на главную гауптвахту Краковскаго предмѣстья; въ тотъ же день былъ присланъ Великимъ Княземъ подъ арестъ одинъ драгунскій поручикъ; онъ выпросился у меня въ трактиръ пообѣдать, общался немедленно возвратиться, и я, по глупости повѣривъ его слову, далъ ему позволеніе, а онъ не только въ тотъ день, но даже на другой не заблагодарилъ лаяться на гауптвахту и меня Его Высочество, за отпускъ арестанта, приказалъ выдержать подъ арестомъ цѣлыя сутки. Это было первое мое наказаніе по службѣ и я проклиналъ безчестнаго драгуна, меня обманувшаго.

Мы 5-ть человекъ съ нетерпѣніемъ ожидали отпращиванія нашего за границу и только чрезъ двѣ недѣли по прибытіи нашемъ въ Варшаву потребованы въ главный штабъ Цесаревича; но баталіонный командиръ подполковникъ Бабичевъ, вмѣсто меня назначилъ другого, желавшаго побывать за границу; я влался Его Высочествомъ и убѣдительно доказывалъ его неосновательность, онъ и слышать не хотѣлъ моихъ убѣжденій и я волею — не волею покорился своей участи. Когда назначенные за границу офицеры явились въ штабъ за бумагами и прогонами, то начальникъ штаба генералъ Курута началъ повѣрять по списку, присланному изъ дворянскаго полка, и, не видя между явившимися меня, объявилъ, что я долженъ быть отправленъ, а не другой кто и влѣдствіе сего меня немедленно потребовали въ штабъ, куда я явился, бывъ отъ сего въ восторгѣ. — Мы получили отпращиваніе и примѣрно прогоны, представились въ Брюлевскомъ Дворцѣ къ Цесаревичу, который осмотрѣлъ насъ съ головы до пятокъ, — при чемъ милостиво соизволилъ ущипнуть меня за щеку, и на другой день мы катили уже во Францію на двухъ огромныхъ форшпанахъ. — Изъ всѣхъ насъ, ни кто и ни какого не зналъ иностраннаго языка, но мы чрезъ Бреславль, Дрезденъ, Лейпцигъ, Майнцъ, Нанси и Барле-дюкъ, съ Божіею помощію благополучно достигли въ Іюль мѣсяцѣ до м. Нанжиса, гдѣ была полковая штабъ-квартира 13-го егерскаго полка.

Въ продолженіи нашей длинной дороги, я едва не умеръ отъ того, что на отведенной намъ у одного француза квартирѣ, съѣвъ двѣ дыни и напившись воды, впалъ въ совершенное безпамятство и въ такомъ безсознательномъ состояніи везли меня три дня; съ того времени я не только не могъ ѣсть дынь, но даже и по нынѣ чувствую тошноту отъ одного ея запаха. Другое происшествіе со мною тоже подвергало меня опасности: въ одномъ французскомъ селеніи мы остановились